

В. Б. Мусий
(Одесса)

**В. И. ДАЛЬ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ
МИРОПОНИМАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ИЗ
НАРОДА («ХМЕЛЬ, СОН И ЯВЬ»
И «ДЕНЩИК»)**

Как известно, в 40-е годы XIX века, когда в русской литературе складывается «натуральная школа», основными принципами художественного отображения становятся идеологичность и социальность. Писатели стараются представить своих героев и ситуации, в которых те проявляют себя, максимально приблизив их к самой жизни. А это, в свою очередь, требовало скрупулезного, детального изучения нравов, привычек, характеров и общественных отношений.

Феномен «натуральной школы» изучен литературоведами с точки зрения жанровой природы произведений, образной системы, авторской концепции действительности. Это и фундаментальная работа В. И. Кулешова «Натуральная школа в русской литературе XIX века», и непосредственно посвященная художественной деятельности В. И. Даля монография Ю. П. Фесенко «Проза В. И. Даля. Творческая эволюция». Значительно развивают наше представление о творческом пути В. И. Даля научные конференции, публикация материалов докладов, сделанных на них. Это и проведенная в Киеве в 2002 году конференция «Володимир Іванович Даль і сучасні філологічні дослідження», и, что особенно важно для осмысления наследия этого лингвиста, писателя, этнографа, фольклориста, общественного деятеля – конференции в Луганском национальном университете имени Тараса Шевченко, в работе которых принимают участие и молодые ученые, студенты, о чем свидетельствуют сборники материалов. В то же время многие проблемы далевского

Далевское литературоведение. Вып. 2.

литературоведения еще не решены. В первую очередь – поэтики произведений В. И. Даля.

Это определило проблематику нашей работы: в ней решается вопрос о характере авторской концепции патриархальности как модели миропонимания человека из народа и путях ее художественного воплощения в произведении.

Цель данной статьи – выявить элементы мифологической и патриархальной модели мира в сознании и поведении героев В. И. Даля, установить связь между особенностями создания образной системы в каждом из исследуемых произведений и его жанровой спецификой.

Как в рассказе «Хмель, сон и явь» (1843), так и в физиологическом очерке «Денщик» (1845) В. И. Даль дает подробную характеристику центрального персонажа (Степан Воропаев, Яков Торцеголовый), однако каждый из них для писателя главным образом частица среды, к которой принадлежит, а не индивидуальность. Отсюда – переход от описания этого персонажа к собирательному образу русского человека. Так, к примеру, в «Хмель, сон и явь» вначале приводится характеристика крестьян, занимающихся отхожими промыслами, а затем – Воропаевых, одной из тех семей, которым только что была дана обобщенная характеристика. «Во Владимирской губернии на большой дороге, - сообщает повествователь, - есть село, известное по мастерству и прилежанию своих крестьян, плотников и столяров, в числе коих наберется и десяток – другой краснодеревцев. Село это известно под названием Глухого Озера и почти поголовно уходит в заволжский край на работу. Тут жила большая семья Воропаевых <...>» [3, с. 208]. Так же и в «Денщике». Сначала повествователь знакомит читателя с историей «поездки» Якова с пьяным барином. Поездка заключалась в том, что Яков сидел над лежавшим «бесчувственно» из-за третьей степени опьянения («с расположением») барином и звенел почтовым колокольчиком, а барин изредка кричал: «Пошел!», «спрашивал водки» и дрался. Завершилась эта «поездка» тем, что барин умер, а Яков «в отчаянии ударил руками об полы и

Далевское литературоведение. Вып. 2.

залился слезами». После описания горящего Якова повествователь обращается к собирательному образу «русского человека», «чувствительность и добродушие» которого «в подобных случаях заслуживают всякого уважения» [3, с. 242]. Ясно, что тон рассуждений повествователя и в случае с Яковым, и в случае, когда речь заходит о чувствительном «русском человеке», проникнут юмором, поскольку эта чувствительность одинаковым образом распространяется как на умершего, так и на карету, над которой «баба от избытка участия покойника» готова плакать с не меньшей горечью [3, с. 244]. Но в данном случае нас больше интересует путь включения характеристики отдельной семьи, отдельного человека в характеристику общности людей с целью подчеркнуть, что герои ничем не выделяются из среды. Итак, в обоих произведениях идет речь о характере «русского человека».

Основной особенностью жизни русского общества в XIX веке было сохранение в нем патриархального уклада. Поэтому писатели, поставившие перед собой задачу точного воссоздания национальных типов, сосредоточили свое внимание на обусловленности миропонимания и образа жизни своих героев патриархальностью. Это в значительной степени характерно и для рассматриваемых нами в данной статье произведений.

Пожалуй, главным фактором, обуславливающим все основные характеристики патриархального типа мироустройства и миропонимания, является отождествление индивидуального и коллективного начал. Сошлемся на точку зрения, высказанную историком М. А. Баргом относительно того, что «генерализирующей» категорией средневековой коллективности является «universitas», обесценивание личного опыта, заключение человека в строго соблюдавшийся круг дозволенного и запретного, очерченный «неписаными нормами корпоративной этики». А отсюда – «паразитическая устойчивость в обществе <...> родового сознания, преемственность стереотипов родового поведения» [1, с. 136, 139, 150]. Рассказывая в физиологическом очерке «Денщик» (1845) о том, как Яков Торцеголовый «отписывал»

Далевское литературоведение. Вып. 2.

каждому из «человек двадцати родных» «полные или не полные поклоны», повествователь замечает о «родных»: «русский человек без них не живет» [3, с. 247]. Причем, в число родни им были включены не только члены семьи, но и его барин, и адъютант, приятель его барина... [3, с. 244]. Этой включенностью патриархального человека в поле рода объясняется та неразделимость в его сознании юридического, нравственного и семейного начал, на которую обратил внимание еще немецкий философ Г. В. Ф. Гегель в «Философии истории», когда писал, что в основе «патриархального состояния лежит семейное отношение, сознательно способствующее развитию первоначальной нравственности», которая состоит в соблюдении «общих интересов всех их членов» [2, с. 40-41]. Для Якова Торцеголового, сообщает повествователь, «весь мир распался» «на *мы* и *не мы* (здесь и в др. случаях выд. автором. – В. М.). В множественность *мы* входило: сам Яков и его барин, своя рота, батальон и полк; вся армия, все военные, приятель. Невозможность мыслить себя вне *мы* и необходимость драться за то, что включается в это *мы*, была для Якова Торцеголового та непреложная и главная истина, из которой он исходил. Она-то и определяла для него такие категории, как справедливость, законность и т. д. За пределами «этого основного понятия» Яков не признавал за собой никаких обязанностей. Тут, замечает повествователь относительно нравственного кодекса Якова, он «обращался в волка с ног до головы; тут он вступал уже, как полагал по всем правам, в неприятельскую землю и понимал своим умом буквально и очень ясно изречение: «Бей и маленького: вырастет – неприятель будет!» [3, с. 245]. Наше – правильное и справедливое. Чужое – странное, не такое, каким должно быть: «чудеса». Показателен в этом отношении рассказ Воропаевых о чужих землях, в которых они побывали. И коровы там питаются рыбой, а не «месивом каким», как «у нас», и «народу там некрещеного». «Ровно в собачье царство какое забредешь, так вот вокруг тебя не весть по-каковски и лают», - заключает один из Воропаевых [3, с. 210]. Почти, как

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Феклуша в «Грозе» А. Н. Островского, которая передавала слухи об обитателях чужих земель с песьими головами.

Таким образом, коллективом, родом устанавливается система правил. Она остается незыблемой на протяжении целого ряда поколений и закрепляется властью старшего. На этой авторитарности основан патриархальный порядок. Рассуждая об отличии русского человека от «немца или англичанина», который сумел бы извлечь пользу и из такой почвы, как во Владимирской губернии, повествователь в «Хмель, сон и явь» отмечает: «чего мы не знаем, тому не верим», а знаем «мы» из опыта и «завета отцов» [3, с. 208]. Этим «заветом» и определяется каждый шаг. А. А. Потебня характеризовал патриархальный тип мышления как такой, для которого «образы прошедшего служат <...> недостижимыми образцами для подражания», а мысли свойственна «несамоуверенность», заставляющая человека «искать опоры своему мнению во мнениях упомянутого старческого большинства». Моделируя образ мышления патриархального человека, ученый писал: «Человек авторитета и предания думает иначе: «Что говорят все, то должно быть истинно; что все делают, то должно быть правильно, что лично, то тем самым ложно и грешно, ибо авторитет, не довольствуясь фактической властью, всегда стремится обеспечить и освятить себя, приписывая своей власти происхождение свыше» [6, с. 408-409].

«Хмель, сон и явь» начинается с описания тех видов занятий целых семейств и поселений, которые были определены предками и которых неизменно придерживались потомки. Крестьяне, сообщает повествователь, «целыми селениями держатся по наследству промыслов, к коим привыкли уже деда их» [3, с. 206]. Яков Торцеголовый в «Денщике» как раз и навсегда установившуюся принимает систему отношений между баринном и слугой. «Ну, на то они господа», - замечает он, признавая, что барин мог быть не только добрым, но и драчливым [3, с. 242]. Такая привязанность к установленному порядку могла иногда приводить к курьезам. Наподобие тех, которые случались с Яковом у нового хозяина, когда он чистил золоченые

Далевское литературоведение. Вып. 2.

пуговицы кирпичом, дергал «от избытка усердия седой волос из бобрового воротника»... А неудовольствие барина стоически воспринимал, исходя «из опытной премудрости своей – что-де, известное дело, на господ не угодишь» [3, с. 246].

Абсолютность в подчинении традиции, заведенному порядку требовала определенной системы правил поведения. В первую очередь, почтительности по отношению к старшим. Вспомним ту же «Грозу» А. Н. Островского: послушание по отношению к дяде (Дикому) – единственное условие получения Борисом и его сестрой доли наследства по завещанию бабушки. В «Хмель, сон и явь» представлен целый ритуал возвращения семьи домой с отхожего промысла. Один из важнейших моментов в этом ритуале – обращение к старшему в доме. «Отцу своему Воропаев-отец поклон в ноги; жена ему поклон в ноги; словом все пошло своим порядком, и сродники кланялись низко отцу, дюжему плотнику, целовались с сыновьями его, говорили приличные речи, как следует по закону <...>» [3, с. 209]. Преобладают «ролевые» отношения – в соответствии с той функцией, которую выполняет в доме (семье) человек. Главная роль принадлежит, безусловно, старшему в семье – отцу, патриарху. Отсюда – культ предков, поклонение домовому как хранителю домашнего очага, основателю рода. «Он, - пишет относительно этого духа Н. А. Хренов, характеризуя сакральную культуру, направленную на поддержание родовых и семейных ценностей, - замечает всякую мелочь, неустанно хлопочет и заботится, чтобы все было в порядке» [8, с. 12]. Именно глава рода и хранитель домашнего очага определяет судьбу своих потомков, благословляя их или же карая, то есть проклиная. В этом сказывается еще одна (после веры в духов дома) черта мифомышления патриархального человека: отождествление слова и действия, идеального и реального. Мы имеем в виду веру в действенность как добрых пожеланий, так и проклятий. Поэтому в письмах к родителям, дядьям, теткам и прочим Яков Торцеголовый обязательно «испрашивал» «их родительского или родственного благословения, навеки нерушимого» [3, с. 247]. А старик

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Воропаев, отчитываясь перед своим отцом о том, кто и как работал, вначале пожаловался на третьего своего сына Степана, «принес на него горькую жалобу, что он-де стал ни с того ни с сего погуливать и немало денег пропил», но потом, увидев, какой гнев вызвал в старике, испугался дедова проклятия и стал защищать сына перед старшим в семье. «Гневно вскинулся дед на робкого Степана, который кланялся ему в ноги, божился и заклинялся, что вперед не станет никогда, даже в рот ничего не возьмет, - но у деда глаза горели, седой волос придавал суровому красному лицу его грозный вид <...>. Степан горько плакал, и сам отец, отступившийся от него в начале жалобы своей и предавший его гневу дедовскому, начал помаленьку задабривать деда, ручаясь за сына на будущее время» [3, с. 211]. Сам же Степан тоже оценивает клятвы как слова, наделенные магической силой. Отправляясь на заработки, он произносит «большое заклятие, что хмельного в рот не возьмет», искренне «зарекается» [3, с. 211]. Скорее всего, в этом страхе перед нарушением предписаний главы семьи сказывается сохранение в патриархальной среде языческих в своей основе верований в Рода и Рожаниц, предков мужского и женского пола, которые при рождении младенца наделяли его «долей». Правда, произнесение заклятий не спасло все же Степана от их нарушения. Но оценил он нарушение взятых на себя обязательств как грехопадение, отрезавшее его от людей. Не случайно он возвращается домой от «нового хозяина» не со всеми работниками, а только с одним приятелем, «с которым нередко вместе гулял». «Люди с людьми ушли, - сообщает повествователь, - а эти двое, как поплоше, так остались вместе – им совестно было к людям приставать» [3, с. 218]. По существу, Степан оценивает свое грехопадение как первобытный человек – нарушение табу, после которого он не нуждается в преследованиях извне, а сам производит над собой суд, зачастую завершающийся его смертью. К смерти был близок и Степан Воропаев. Правда, угроза исходила извне – от Черноморца, который решил его убить и ограбить. И только переживание вины, не дававшее герою покоя и ночью, уберегло его от гибели. Степан увидел во сне

Далевское литературоведение. Вып. 2.

деда, который «хотел его зарезать за то, что внук напился пьян». После этого видения Степан освободился не только от состояния сна, но и от хмеля, услышал разговор хозяев постоянного двора и смог перехитрить их. Мы уже подробно останавливались на мифопоэтическом комментарии этого эпизода рассказа В. И. Даля [5, с. 58-59]. Здесь же только отметим, что дед как старший родоначальник выступил в судьбе Степана, сбившегося с пути, в роли хранителя, что, собственно, и соответствует назначению предков с точки зрения мифологического мышления патриархального человека.

Уверенность в изначальной предопределенности происходящего отразилась на понимании времени, точнее, бытовом характере его восприятия. Это не линейное, историческое время, а точки, соответствующие повторяющимся из года в год календарным датам и датам, связанным с религиозными ритуалами. В «Хмель, сон и явь» передается подобная оценка того отрезка лета, когда Степан работал: «за лето, то есть от пасхи до покрова, либо от кузьминок, до Козьмы и Демьяна, или ссыпчины, также девичий праздник, потому что девки сходятся в одну избу, приносят каждая что-нибудь съестное, готовят вместе ужин и празднуют свой праздник» [3, с. 211]. Показательно, что при этом не были указаны год, названия месяцев.

Более подробно на характеристике восприятия крестьянами времени останавливается повествователь в «Денщике». «Известно, - замечает он, - что календарь нашего крестьянина отличается по способу выражения от нашего: мужик редко знает месяцы и числа, но знает хорошо посты, заговенья, сочельники, все праздники, святых и, избирая более замечательные в быту его сроки, обозначает их сими названиями». Герой этого очерка жил в полку. Поэтому его быт был связан с иными реалиями, но восприятие времени было, по существу, таким же. Его вехами были значительные события военной жизни: «смотры, постройка или пригонка амуниции <...>, такой-то арестант сбежал; такой-то солдат сломал приклад ружья, потерял штык; тому или другому дана награда <...>» [3, с. 249]. Кроме того, убеждение, что всем

Далевское литературоведение. Вып. 2.

происходящим управляет Божья воля, определило удивительное смешение утопизма и фатализма в оценке патриархальным человеком происходящего.

Утопизм заключался в том, что в силу неразвитости индивидуального начала патриархальный человек полагался не на собственные силы в попытке изменить к лучшему свою жизнь, а на наличие в мире сказочной земли, где все устроено для безмятежного существования. Объясняя склонность крестьян к переселению, повествователь в «Хмель, сон и явь» пишет о бытовании в их среде «дикообразной сказки», которая поднимает подчас «целые селения <...> в какой-то баснословный край, где нет ни подушного, ни рекрутства» [3, с. 207]. Интересно, что, согласно наблюдениям Р. А. Зобова и В. Н. Келасьева, социальные мифы и до сих пор живут в сознании некоторых россиян [4, с. 20-21]. Нельзя исключить, что и русское «действовать на авось», то есть, полагаясь не на себя, а на какое-либо чудо, связано с подобной склонностью к утопическим верованиям. А с другой стороны, и с определенным фатализмом, который удивительным образом уживается в русском человеке с настойчивостью в осуществлении задуманного, каким бы бессмысленным это задуманное ни было. Яков Торцеголовый, которому не советовали бывать на озере («ты плавать не умеешь, а тут омут на омуте!»), возражал: «Ничего, сударь, что же делать, власть господня, вот и наемни в Грачевке мальчик эдак же утонул <...>». «А затем, - сообщает повествователь, - в тот же день вечером, опять-таки отправился с бредником на озеро» [3, с. 248]. Рассказывая о Черноморце, повествователь в «Хмель, сон и явь» замечает: уж как русский человек заберет себе в голову что-нибудь, то справиться с ним мудрено. Тут ни опасности, ни очевидная бессмыслица предприятия и здравые, благоразумные убеждения ваши не пойдут впрок: «Оно все так, - подумает он, а иной раз и скажет: «Да уж власть господня, что будет, то будет, а я уж хочу того, либо другого, уж пусть так и будет» [3, с. 212]. А когда обнаруживается, что человек, в убийстве которого сознался Степан Воропаев, жив, тот, вместо того, чтобы радоваться, возражает: «нет, уж видно, мне так на роду написано: судьбы

Далевское литературоведение. Вып. 2.

не минуешь!» Вяжите ж меня опять, я еще другого человека убил <...>» [3, с. 225]. Так в этом эпизоде удивительным образом переплетаются страх перед гибелью души из-за отсутствия раскаяния в преступлении, фатализм и присущая русскому человеку склонность действовать на «авось» даже вопреки доводам рассудка. Иногда все это завершается наказанием (как, к примеру, случилось с героем рассказа В. И. Даля «Грех»), иногда – тем, что герой получает еще один шанс на спасение своей души. Как произошло со Степаном Воропаевым, которому не поверили в новом признании в убийстве.

Но ни утопизм, ни фатализм, ни опора на «авось» не исключали и даже не приуменьшали страха перед гибелью души в результате нарушения запрета, поскольку такое нарушение вело к отчуждению от коллектива, а вне сообщества патриархальный человек не мыслил своего существования. Эта особенность жизни русского человека, заключающаяся в том, что патриархальной моралью, которая поддерживала целостность нации, табуировалось нарушение заповедей рода, поскольку оно оценивалось как гибель души, наиболее полно выражено в рассказе «Хмель, сон и явь». Но и в очерке «Денщик» передается патриархальный тип представления о морали. Оба произведения, о которых шла речь, сближает сосредоточенность внимания на особенностях миропонимания человека из народа. В то же время между ними есть значительные различия. И, пожалуй, самое важное из них заключено в обозначении их жанровой природы. «Хмель, сон и явь» - это рассказ. Главное в нем – развитие судьбы, постепенное преодоление героем своего грехопадения, усвоение им опыта рода и подчинение семейным ценностям. Поэтому в нем преобладает линейность. Что же касается «Денщика», то это физиологический очерк, который призван познакомить читателя не с одним Яковом Торцеголовым, а со всеми Яковами, со всеми денщиками, которые одинаковы в силу одинаковости их занятий. Иной точки зрения придерживается Ю. П. Фесенко, видящий в Якове человека, обладающего «уникальными знаниями и умениями» [7, с. 150]. Но даже при

Далевское литературоведение. Вып. 2.

такой оценке Яков Торцеголовый не выходит за рамки собирательного образа денщика, которому в силу рода его занятий приходится проявлять свои умения в довольно сложной ситуации «вне дома», устоявшегося образа жизни. Он со своим господином вынужден вести походный образ жизни. Не случайно кольцевое построение «Денщика». Очерк начинается с выявления в герое того, что сближает его с разными животными, и завершается этим же сопоставлением. Только в конце такое сопоставление Якова с животными по степени его выносливости, домовитости, верности уже не кажется читателю неожиданным.

Как же оценивает писатель воссоздаваемую им особенность миропонимания своих героев? Безусловно, как это и было свойственно писателям «натуральной школы» - с определенной долей иронии, как проявление их простодушия и ограниченности силой привычки. Но преобладает все же положительная оценка. Патриархальность – это, в первую очередь, нравственность. Поэтому нравственные табу помогают героям вернуться к тем принципам, которые утверждены в среде и защищают человека, закрепляют в нем осознание причастности общей жизни коллектива.

Одним из перспективных направлений дальнейшего исследования художественного наследия В. И. Даля представляется его соотнесение с произведениями других русских писателей, воссоздававших мифологический и связанный с ним патриархальный тип миропонимания с целью выявления особенностей художественного мышления каждого из авторов, закономерностей литературного процесса.

Литература

1. **Барг М. А.** Эпохи и идеи. Становление историзма / М. А. Барг. – М., 1987. – 348 с.
2. **Гегель Г.** Философия истории / Г. Гегель // Гегель Г. Соч. : В 14 т. – М. ; Л., 1929 – 1959. – Т. 8.
3. **Даль В. И.** Избранные произведения / В. И. Даль ; сост. Н. Н. Акоповой; предисл. Л. П. Козловой ; прим. В. П. Петушкова. – М. : Правда, 1983. – 447 с.
4. **Зобов Р. А.** Мифы российского сознания и пути

Далевское литературоведение. Вып. 2.

достижения общественного согласия / Р. А. Зобов, В. Н. Келасьев. – СПб., 2004. 5. **Мусий В. Б.** Мифопоэтика русской предромантической и романтической прозы / В. Б. Мусий. – Одесса : Астопринт, 2008. – 300 с. 6. **Потебня А. А.** Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М., 1976. – 614 с. 7. **Фесенко Ю. П.** Проза В. И. Даля. Творческая эволюция / Ю. П. Фесенко. – Луганск ; СПб. : Альма-матер, 1999. – 262 с. 8. **Хренов Н. А.** Картина мира в истории русской художественной культуры / Н. А. Хренов // Русская художественная культура. Контуры духовного опыта. – СПб., 2004. – С. 9 – 47.

Аннотации

Мусий В. Б. В. И. Даль об особенностях миропонимания человека из народа («Хмель, сон и явь» и «Денщик»)

В статье представлены результаты исследования элементов мифологической модели мира и патриархальности в сознании героев В. Даля. В качестве ведущих выделены тождество реального и идеального, культ предков и рода, опора на традиции. Прослежена связь между путями создания образной системы произведения и его жанром. Это позволяет представить особенности авторской концепции человека и художественного мышления В. Даля.

Ключевые слова: мифологическое мышление, миф, художественное мышление, образная система, жанр.

Мусий В. Б. В. І. Даль про особливості світорозуміння людини з народу («Хмель, сон и явь» та «Денщик»)

У статті представлено результати дослідження рис патріархальності та міфологічного світосприйняття у свідомості героїв В. Даля. Як головні визначено тотожність реального та ідеального, культ роду та предків, дотрисмання традицій. Простежено зв'язок між шляхами створення образної системи твору та його жанром. Все це дозволяє уявити особливості авторської концепції людини та художнього мислення В. Даля.

Далевское литературоведение. Вып. 2.

Ключові слова: міфологічне мислення, міф, художнє мислення, образна система, жанр.

Musiy V. B. V. I. Dal' about commoner of the people world outlook peculiarities («Drunkenness, slumber and reality») and «Batman»)

In this article the author studies elements of mythological and patriarchal model in consciousness sphere of V. Dal's heroes. Identity of real and ideal, cult of ancestors and family kin, faithfulness to traditions are distinguished as main. The connection between means of creation of system of images and genre originality of each text have been retraced. It represents author's conception of personality and main characteristics of V. Dal's artistic thinking.

Key words: mythological mentality, myth, artistic thinking, system of images, genre.

УДК 821.161.1.09+929 Даль

*А. Г. Прокофьева,
В. Ю. Прокофьева
(Оренбург)*

ТЕМАТИЧЕСКОЕ И ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ДАЛЯ ОРЕНБУРГСКОГО ПЕРИОДА

В оренбургский период жизни В. И. Далем были созданы значительные художественные произведения разных жанров: повести («Бедовик», «Павел Алексеевич Игривый», «Вакх Сидоров Чайкин», «Мичман Поцелуев, или Живучи оглядывайся», «Бикей и Мауляна», «Майна», «Гофманская капля»), рассказы и очерки («Уральский казак», «Европа и Азия», «Башкирская русалка», «Осколок льду», «Обмиранье»,